

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 146—154.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 146—154.

Научная статья

УДК 94(470.65)“1992”:070

EDN <https://elibrary.ru/pmkwck>

DOI: 10.46726/H.2025.2.15

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

Денис Васильевич Тумаков

Ярославский государственный медицинский университет,

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,

г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере крупнейших столичных периодических изданий начала 1990-х гг. анализируются оценки, которые были даны Северной Осетии в российской центральной прессе тех лет. В качестве источника использованы материалы средств массовой информации различных политических взглядов. Предметом интереса столичных журналистов в те годы стали следующие аспекты: политический режим, существовавший в республике, её сложные взаимоотношения с ближайшими соседями и непростая криминогенная обстановка. Упоминалось в печати и участие российских военных в нормализации ситуации в регионе. Важное место среди публикаций ведущих федеральных масс-медиа также занимали репортажи, посвящённые трагическому осетино-ингушскому конфликту осени 1992 года. В данном противостоянии российская пресса в большей степени симпатизировала осетинской стороне как силе, защищавшей стабильность и правопорядок на Северном Кавказе. Даже незаконные задержания некоторых журналистов или захват в заложники ингушских семей не изменили данного мнения. Сделан вывод о том, что на фоне своих тревожных соседей (Чечня, Ингушетия) или других республик региона Северная Осетия выглядела стабильным образованием, а политический консерватизм её лидеров уступал лояльности федеральному Центру.

Ключевые слова: Северная Осетия, Россия, пресса, силовые структуры, осетино-ингушский конфликт, Пригородный район

Для цитирования: Тумаков Д.В. Северная Осетия в оценках российской прессы начала 1990-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 146—154.

В начале 1990-х гг. Северный Кавказ стал настоящей «горячей точкой» постсоветской России. После драматических событий лета—осени 1991 года из политико-правового поля страны фактически вышла Чечня, где у власти оказался сепаратистский режим генерала Д.М. Дудаева [Тумаков 2017: 18—34], призывавший все республики региона выйти из состава России [Война и ислам: 47]. В Ингушетии в течение первого года её существования фактически отсутствовали легитимные органы управления [Тумаков 2022: 443—446], а в некоторых районах Дагестана властям приходилось вводить режим чрезвычайного положения из-за роста криминала [Тумаков 2021: 20—25]. На этом фоне явную лояльность Москве сохраняла Северо-Осетинская советская социалистическая республика (СОССР), но отношения осетинского народа и федерального Центра в начале 1990-х гг. в целом тоже складывались неоднозначно.

В федеральных СМИ начала 1990-х гг. СССР характеризовалась как «заповедник консерватизма», где крах КПСС и Советского Союза в целом воспринимался не как установление демократии или начало национального возрождения, а как крушение привычной стабильности и безопасности [Огоев]. Летом 1992 года журналист В. Огоев называл осетин «одним из самых советизированных народов на Северном Кавказе», объясняя данное обстоятельство малочисленностью местной интеллигенции, аморфностью национальной идеологии и отсутствием сильных религиозных чувств до 1917 года, а также уничтожением или эмиграцией прежних элит и активной национальной политикой Советской власти в последующие десятилетия [Там же]. Если в соседней Чечено-Ингушетии сопротивление правящему режиму в 1920—1940-е гг. возглавляло исламское духовенство, то в Осетии в это время социальные слои, оппозиционные новой власти, отсутствовали [Там же]. Говоря о ситуации начала 1990-х гг., Огоев сделал прогноз о дальнейшем усилении изоляционистских настроений в СССР, поскольку она находилась во враждебных отношениях с соседними Грузией, Ингушетией и непризнанной Чеченской Республикой [Там же].

Точку зрения журналиста «Независимой газеты» разделяли его коллеги из правительственного издания «Российские вести», осенью 1992 года охарактеризовавшие Северную Осетию как «одну из наиболее консервативных бывших автономий России» [Касаев], где практически отсутствовала демократическая оппозиция. По утверждению корреспондента А. Касаева, любые резонансные общественно-политические мероприятия в республике были инициированы исключительно действующей властью, а численность организаций либерального или реформаторского толка не превышала нескольких сотен человек [Касаев]. О советской ностальгии осетин свидетельствовало сохранявшееся до конца 1993 года наименование их республики. Позднее аналогичное мнение о настроениях осетинского народа применительно к последним годам существования Советского Союза и первому постсоветскому десятилетию высказывали современные отечественные исследователи А.А. Цуциев [Цуциев: 98] и В.А. Шнирельман [Шнирельман: 168].

Во многом в силу этих обстоятельств Северная Осетия в тот период вызвала симпатию у российских национал-патриотических сил, находившихся в оппозиции официальным властям страны. Так, в статье специального корреспондента еженедельной газеты «Литературная Россия» писателя В.Н. Ерёменко содержалась позитивная характеристика председателя Совета министров СССР С.В. Хетагурова, чья карьера была во многом типичной для партийного работника позднесоветской эпохи. В период правления Л.И. Брежнева Хетагуров проделал путь от обычного слесаря до директора предприятия, а затем достиг немалых высот и в республиканской партийной иерархии [Ерёменко]. В интервью «Литературной России» он прямо заявил, что Северная Осетия является неотъемлемой частью страны, но упрекал федеральный Центр за нерешительность и медлительность, которые в скором будущем могут привести к новой региональной войне [Ерёменко].

В центральной периодической печати Северная Осетия иногда представляла в роли жертвы агрессии, что было связано с её непростыми взаимоотношениями с ближайшими соседями. Поздней осенью 1991 года государственное информационное агентство ТАСС без подробностей упоминало о беспокойной или напряжённой обстановке на административной границе Северной Осетии и ещё формально единой Чечено-Ингушетии [В Южной

Осетии...; К положению...]. После распада СССР обстановка в регионе усложнилась. Например, в ночь на 10 мая 1992 года неизвестные люди обстреляли из автоматов пост ГАИ у селения Чермен Пригородного района, причём под перекрёстный огонь попала служебная автомашина министра внутренних дел Северной Осетии генерал-майора Г.М. Кантемирова. Чиновник, провожавший до границы друзей-ингушей, и сопровождавшие его милиционеры открыли ответный огонь, а также вызвали по рации на помощь наряд ОМОНа. В ходе перестрелки сам министр не пострадал, но шесть пулевых ранений получил его водитель, а сами нападавшие успели скрыться [На границе...; Еременко]. В том же году в экстремальных условиях проходили весенние полевые работы в Пригородном районе: осетинские колхозники боялись выходить в поле, несмотря на принимавшиеся милицией меры, так как их «тревожили экстремисты из соседней Ингушетии» [Алешкин 1992а]. Так, в колхозе «Чермен» на картофельном поле появились некие вооружённые люди, потребовавшие прекратить работу, а на полевом стане колхоза имени К. Хетагурова неизвестные налётчики избили и тяжело ранили сторожа, после чего угнали сельскохозяйственную технику [Там же].

Отметим, что буквально за несколько дней до начала широкомасштабных боёв в Пригородном районе, в ночь на 27 октября, в поселке Дачный неизвестными была обстреляна машина председателя Ардонского районного суда, был ранен один из пассажиров. Более того, как сообщало информационное агентство РИА-Новости, прибывший на место происшествия на бронетехнике местный ОМОН также подвергся обстрелу [Инцидент]. В последнем случае о погибших или пострадавших центральная пресса не сообщала. Весьма резонансным событием стала и трагическая гибель ингушской девочки под колёсами бронетранспортёра осетинского ОМОНа, патрулировавшего в ночное время суток одно из селений Пригородного района. Мгновенно собравшаяся толпа из нескольких сотен ингушей пыталась учинить самосуд над омовцами, но те вызвали по рации подкрепление. В произошедшей перестрелке между толпой и стражами порядка, как сообщала пресса, жертв не было [Трагедия]. Упомянутые случаи продемонстрировали как большое количество оружия на руках осетин и ингушей, так и их взаимную ненависть и непримиримое отношение друг к другу. Как утверждал в беседе с В.Н. Еременко один из осетинских жителей Пригородного района, в случае передачи спорных земель Ингушетии он станет «стрелять до последнего» [Еременко].

В то же время накануне эскалации осетино-ингушского конфликта в газетных репортажах из Северной Осетии речь, в отличие от соседних Чечни или Ингушетии, шла не о росте уличного криминала или политическом безвластии, а скорее о типичных фактах из повседневной жизни. По утверждению корреспондента столичной газеты «Гудок», осенью 1992 года Владикавказ в целом жил обычной жизнью российского города: поезда ходили по расписанию, строились новые жилые кварталы, развивался общественный транспорт, вполне нормально функционировало автобусное сообщение с соседними регионами, а поток личного автотранспорта на городских улицах даже показался ему неиссякаемым [Бутурлинов]. Примерно в это же время вышеупомянутый В.Н. Еременко писал, что в аэропорту Беслан он стал свидетелем выгрузки новых импортных автомобилей, которые при этом не оставались без покупателей [Еременко]. Лаконичные заметки, вышедшие летом того же года в издании «Сельская жизнь», сообщали и о достижениях сельского хозяйства республики [Лорсанукаев; Убирают...].

В 1992 году одной из центральных тем для публикаций масс-медиа стало значительное падение жизненного уровня большинства населения России в результате сильного экономического кризиса. В вышеупомянутой публикации «Гудка» был упомянут и ряд подобных моментов из жизни Северной Осетии. Заккрытие ряда промышленных предприятий, рост безработицы, нелегальная торговля бензином по спекулятивным ценам, в том числе с Грузией, нехватка хлеба и длинные очереди за ним, крайне скудный ассортимент продуктов в государственных магазинах. В частности, в периферийных районах республики корреспондент заметил на полках магазинов только пакеты с вермишелью, в то время как сахар, сливочное масло, манную и гречневую крупу можно было приобрести лишь на базарах — «единственном источнике продовольственного снабжения». Там у селян или перекупщиков любой желающий мог приобрести мёд, многочисленные овощи и фрукты, а также малодоступную для большинства жителей каспийскую осетрину из Дагестана. О скромном уровне жизни большинства жителей республики свидетельствовал и тот факт, что они предпочитали овощной рацион питания, а мясо, масло или колбасу чаще приобретали для детей [Бутурлинов]. На этом фоне эффект разорвавшейся бомбы едва не вызывало разоблачительное выступление народного депутата России генерал-майора юстиции Т.Д. Батагова на сессии местного парламента, в котором он обвинил ряд организаций и руководство республики в незаконном обогащении в результате вывоза из Северной Осетии цветных металлов на сумму в десятки миллионов долларов. Широкий резонанс его речи подчёркивал сам факт упоминания о ней в правительственном издании «Российские вести» [Касаев].

Единственным напоминанием о беспокойной обстановке на Северном Кавказе для московских журналистов стали патрули из вооружённых милиционеров на улицах города и усиленные бронетехникой контрольно-пропускные пункты на окраине. Антикриминальные действия российских военнослужащих на территории Северной Осетии ещё до начала активных боевых действий в Пригородном районе тоже были предметом интереса центральных СМИ. В частности, на страницах «Известий» командир бригады Внутренних войск (ВВ) МВД РФ полковник В. Васильев утверждал, что его подчинённые занимаются проверкой автотранспорта в Моздокском районе республики, пресекают ввоз и вывоз оружия с её территории, а также провоз огромных денежных сумм. Уже тогда обстановка в Осетии была непростой и сильно напоминала боевую. Так, на знаменитой ещё с XIX века Военно-Грузинской дороге посты российских войск располагались через каждые 15—20 км. Они состояли из бетонных блоков и были усилены бронетехникой — в глубоких окопах близ контрольно-пропускных пунктов располагались бронетранспортеры. Солдаты ежедневно несли службу в бронежилетах и касках, находились за бруствером из мешков с песком или в отрытых окопах полного профиля и грелись в вагончиках-бытовках. При этом они постоянно держали наготове личное стрелковое оружие, а также пулемёты и гранатомёты [Военные...; Еременко]. Упомянутые меры предосторожности с их стороны не были лишними, так как пост ВВ у небольшого селения Чми на стыке границ Северной, Южной Осетии и Ингушетии часто обстреливался со стороны ингушской горы Столовая [Еременко]. Аналогичную картину увидели другие столичные журналисты на заставе Нижний Ларс в Дарьяльском ущелье на государственной границе с Грузией, где посты ГАИ и заставы ВВ МВД РФ в ночное время суток нередко обстреливались контрабандистами из Чечни, Ингушетии или Грузии, незаконно

вывозившими бензин и продовольствие из Осетии [Еременко; Овсиенко]. Примечательно, что о стычках силовиков с самими осетинами пресса не упоминала.

Действия стражей порядка давали определённый результат. Анонимный автор «Известий» утверждал, что за три месяца российские военные только при проверке автотранспорта в Моздокском районе изъяли 43 единицы оружия, 2500 единиц боеприпасов к нему и 9 боевых гранат, а также 37 млн рублей наличных денег и безлицензионные товары на сумму 12,7 млн рублей. Кроме того, усилиями военнослужащих был задержан 91 преступник, находившийся во всероссийском розыске, что позволило добиться сокращения показателей преступности в Моздокском районе на 60 %. Эти успехи стоили федеральным силам жертв: за тот же период ВВ МВД РФ потеряли 1 бойца убитым и 2 ранеными [Военные...]. В общей сложности подразделения ВВ МВД РФ лишь за месяц изъяли на территории Северной Осетии свыше 50 автоматов, 53 пистолета, 5000 единиц боеприпасов к стрелковому оружию и 67 боевых гранат [Овсиенко]. Тем не менее, как показали последующие события, все перечисленные успехи федеральных силовых структур не привели к реальному разоружению местного населения и коренному изменению обстановки.

Во время эскалации осетино-ингушского конфликта (31 октября — 4 ноября 1992 года) Москва фактически поддержала Северную Осетию: части ВВ МВД и ВДВ оказали народному ополчению и МВД республики помощь в отражении нападения ингушей [Тумаков 2022: 449—451]. Каких бы то ни было негативных упоминаний о взаимодействии осетинских боевых групп или населения республики с федеральным Центром в крупнейших российских масс-медиа того времени нами обнаружено не было. В определённой степени исключением являлась большая статья военного журналиста подполковника Ю.О. Кислого в журнале ВВ МВД РФ «На боевом посту», упоминавшая о гибели двух курсантов Владикавказского высшего военного командного училища МВД от рук осетинской толпы в селе Комгарон и захвате ею учебного центра в том же населённом пункте [Кислый: 7]. Однако данная журнальная публикация была датирована уже началом 1993 года, когда в политике официальной Москвы в регионе произошли некоторые изменения.

Очень примечательно, что в некоторых материалах ведущих столичных СМИ осетинская сторона не подвергалась резкой критике даже в том случае, когда она откровенно нарушала федеральное законодательство. Например, 2 ноября 1992 года собственный корреспондент «Российской газеты» по Северному Кавказу А.М. Алешкин был захвачен в заложники вооружёнными осетинскими ополченцами по обвинению в укрывательстве ингушей, оружия и боеприпасов. По словам пожилого журналиста, он «за всю свою жизнь не испытывал большего унижения и незащитности перед лицом грубой силы» [Алешкин 1992b], так как в его квартире во Владикавказе был произведён тщательный обыск без предъявления соответствующего ордера, а «командир группы захвата» даже угрожал Алешкину расстрелом. Большая разница в возрасте и удостоверение работника солидного московского издания не повлияли на настроения бойцов. В итоге корреспондент был похищен и на автомобиле доставлен в районный, а затем уже в республиканский штаб народного ополчения Северной Осетии, после чего известный полевой командир Б.Х. Дзуцев (1940—2006 гг.) выпустил А.М. Алешкина на свободу. Любопытно, что ополченцы так и не признали своей вины в данном инциденте. Напротив, Дзуцев сказал журналисту, что «прощает на первый раз» и призвал того «вести себя как следует» [Там же].

Оказавшись на свободе, А.М. Алешкин опубликовал на страницах «Российской газеты» довольно большую статью, в которой он сообщил подробности своих злоключений, раскритиковав осетинских ополченцев за бесцеремонность обыска в его квартире, но также признав справедливость некоторых обвинений в свой адрес с их стороны. В частности, журналист действительно укрыл в собственной квартире соседнюю ингушскую семью Котиевых, глава которой ранее относился к партийной номенклатуре, а в 1992 году работал в Институте горного и предгорного сельского хозяйства. Вместе с ним осетинами были похищены его жена и малолетний сын. Ингуши сами попросили Алёшкина о помощи, так как во время межэтнического конфликта во Владикавказе начался их массовый захват в заложники. Однако корреспондент парламентского издания назвал народных ополченцев «этими в общем-то симпатичными осетинскими парнями» и признал их действия по захвату ингушей в заложники ответными. Данные одного из членов «группы захвата» о четвертовании осетинского участкового милиционера и убийстве всех его детей ингушскими боевиками или об истреблении ими же воспитанников детсада, а также об угрозах ингушей предать той же участи весь осетинский народ сообщались Алешкиным как истина, а не фронтовые слухи [Там же].

Более-менее решительному осуждению с его стороны подверглись лишь радикальные призывы ополченцев к полному уничтожению ингушей [Там же]. Позиция собственного корреспондента «Российской газеты» заключалась в том, что «не может быть никакой пощады бандитам, зверски, садистски убивающим женщин, детей, стариков», то есть ингушским комбатантам, однако он призывал осетин не ожесточаться и не совершать военных преступлений в отношении всего соседнего народа, обманутого собственными радикалами, а подумать о будущей совместной жизни. В то же время А.М. Алешкин хвалил осетинский народ за верность и помощь России в прошлых войнах («осетин — ты мне брат»), признавая военную поддержку со стороны федеральных сил Северной Осетии в её борьбе с «ингушскими экстремистами» [Там же]. В статье содержалось и пафосное утверждение корреспондента о том, что «война, которая в эти дни полыхает на осетинской земле, — это и моя война» [Там же]. Тем самым корреспондент официального периодического издания явно обозначал свои симпатии к одной из сторон первого межнационального конфликта на территории постсоветской России. Действия осетин как обороняющейся стороны воспринимались им если не как справедливые, то, по крайней мере, как ответ на агрессию со стороны тревожных соседей.

В целом такой же вывод читатели могли сделать и после знакомства со статьёй Н. Бастрыкина, вышедшей в конце 1992 года в столичной газете «Гудок». Автор призывал обе противоборствующие стороны осетино-ингушского конфликта к мирным переговорам, так как считал, что «в национальных конфликтах, как и в гражданских войнах, победителей не бывает, тут страдают все» [Бастрыкин]. Однако в то же время в роли основных виновников начала боёв в Пригородном районе выступали всё же ингуши, которые захватывали в заложники мирных граждан Северной Осетии других национальностей. Так, оказавшийся в плену дежурный по железнодорожной станции Владикавказ Ю. Калманов вспоминал, что на 150 человек захватчики выделили всего лишь бидон воды и пять буханок чёрствого хлеба [Там же]. В те дни железнодорожники республики фактически оказались на линии фронта. Начальник станции Владикавказ А. Калухов создал отряд добровольцев из своих подчинённых, вооружил их охотничьими ружьями, пистолетами или

малокалиберными винтовками и направил на охрану объектов на железной дороге. В результате им удалось обеспечить работу станций в Назрани и Владикавказе, хотя последняя неоднократно попадала под огонь снайперов из села Чермен и, по словам журналиста, напоминала «вторую линию фронта» [Там же]. Иногда осетинские железнодорожники чудом избегали гибели, но при помощи бойцов ОМОНа или военизированной охраны отражали нападения боевиков. Например, во время одной из серьёзных стычек ими были уничтожены снайпер и два его помощника, находившиеся в кабине башенного крана близ путей [Там же].

При этом само по себе описание мирных районов Северной Осетии и столицы республики Владикавказа, как писал тот же корреспондент «Гудка», было полно «сильных и острых ощущений» [Там же]. Так, на станции Эльхотово документы и в некоторых случаях вещи у пассажиров фирменного поезда «Осетия» проверял наряд спецназа, а на станции Беслан журналист наблюдал колонны российских танков и вооружённых железнодорожников на привокзальной площади [Там же]. Под охраной военных и бронетехники из Владикавказа в Назрань передвигался и железнодорожный состав. Тем самым читатели могли сделать вполне логичный вывод о том, что относительное спокойствие и межнациональный мир в небольшой северокавказской республике держатся исключительно при помощи федеральных войск.

Из более поздних публикаций центральной прессы следовало, что даже после введения осенью 1992 года режима ЧП в регионе и прекращения активных боевых действий осетинской стороне удалось сохранить мощные военизированные группировки. Народное ополчение республики было официально переименовано в Управление охраны объектов народного хозяйства (УООНХ) и все более приближалось к обычным силовым структурам. Спустя примерно полтора года после трагических событий в Пригородном районе численность его бойцов, согласно данным вышеупомянутого полевого командира Б.Х. Дзугцева и российской Временной администрации в зоне конфликта, колебалась от более чем 1000 до 3000 человек соответственно. На вооружении у них имелось большое количество военной техники, оружия и боеприпасов [Пятилетова].

Штаб данного формирования состоял из 12 бывших старших офицеров Советской Армии или МВД СССР, чей срок военной службы колебался в пределах от 25 до 27 лет. Летом 1994 года в интервью прокоммунистическому изданию «Советская Россия» Дзугцев высоко оценил боевые возможности своих подчинённых, прошедших не только через относительно краткие столкновения с ингушами, но и настоящие боевые действия с грузинскими войсками в Южной Осетии и Абхазии, а также двухнедельный курс тренировок по системе группы «Альфа». С его слов, бойцы УООНХ, «стреляя на шум, бьют только в “яблочко” из пистолета и автомата, могут в ночное время собрать и разобрать автомат, умеют обращаться с минами и пулемётом, точно бросать нож...» [Пятилетова]. Данные утверждения осетинского полевого командира были адресованы прежде всего ингушской стороне, чтобы предостеречь её от мыслей о новой силовой попытке решения земельного спора.

В условиях сложной социально-экономической и политической обстановки на Северном Кавказе в начале 1990-х гг. СОССР постоянно находилась в фокусе внимания федеральной прессы. Хотя руководители республики по своим политическим убеждениям были оппонентами курса Б.Н. Ельцина, это обстоятельство не помешало сторонам поддерживать взаимовыгодные отношения. На фоне беспокойных соседей Северная Осетия производила

относительно благоприятное впечатление. Накануне боевых действий в Пригородном районе правительственная газета «Российские вести» даже охарактеризовала её как «островок относительного спокойствия и мира» в регионе [Овсиенко]. Авторы других газетных репортажей также испытывали заметные симпатии к республике, подчёркивая достижения её народного хозяйства или воинскую храбрость осетин в прошлом и настоящем. Фактически Северная Осетия позиционировалась в СМИ как главный кавказский форпост России.

Список источников

- Алешкин А. Кинжалом землю не вспашешь // Российская газета. 1992. 29 мая.
 Алешкин А. Не стань жестоким, брат! // Российская газета. 1992. 4 ноября.
 Бастрыкин Н. В зоне чрезвычайного положения // Гудок. 1992. 9 декабря.
 Бутурлинов И. О чем шумит Терек // Гудок. 1992. 2 октября.
 В Южной Осетии без перемен // Сельская жизнь. 1991. 23 ноября.
 Военные посты МВД на кавказских дорогах // Известия. 1992. 13 октября.
 Еременко В. Преданный Кавказ // Литературная Россия. 1992. 16 октября.
 Инцидент в Северной Осетии // Известия. 1992. 28 октября.
 К положению в Северной Осетии и Южной Осетии // Сельская жизнь. 1991. 30 ноября.
 Касаев А. Триумф во Владикавказе. Обостряется борьба за власть в Северной Осетии // Российские вести. 1992. 23 октября.
 Кислый Ю. Огненная межа // На боевом посту. 1993. № 2. С. 7—12.
 Лорсанукаев С. Разгар сенокоса // Сельская жизнь. 1992. 3 июля.
 На границе Северной Осетии и Ингушетии опять неспокойно // Российская газета. 1992. 10 мая.
 Овсиенко С. Северный Кавказ: детонатор, который взорвется? // Российские вести. 1992. 27 октября.
 Огоев В. «Верность» осетин социализму как кризис национального самосознания. Конфликты с соседями ведут Осетию к региональному изоляционизму // Независимая газета. 1992. 8 июля.
 Пятилетова Л. Бимболат Дзуцев: «Я продал стенку и купил автомат» // Правда. 1994. 29 июня.
 Трагедия в Северной Осетии // Известия. 1992. 22 октября.
 Убирают ячмень // Сельская жизнь. 1992. 10 июля.

Список литературы / References

- Война и ислам на Северном Кавказе. XIX — XX вв. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 46 с.
 (War and Islam in the North Caucasus. XIX — XX centuries, Moscow, 2000, 46 p. — In Russ.)
 Тумаков Д.В. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991—1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс, 2017. 740 с.
 (Tumakov D.V. The hotspot of New Russia: the Chechen crisis of 1991—1996 in the assessments of Russian society, Yaroslavl, 2017, 740 p. — In Russ.)
 Тумаков Д.В. Мятеж в горах: дагестанская кампания 1999 года в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс., 2021. 444 с.
 (Tumakov D.V. Mutiny in the Mountains: the Dagestan campaign of 1999 in the assessments of Russian society, Yaroslavl, 2021, 444 p. — In Russ.)
 Тумаков Д.В. Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении российской центральной печати // *Historia provinciae* — Журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 439—484.
 (Tumakov D.V. The Ossetian-Ingush armed conflict of 1992 in the coverage of the Russian central press, *Historia provinciae* — *Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2, pp. 439—484. — In Russ.)

Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992—...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. 200 с.

(Tsutsiev A.A. The Ossetian-Ingush conflict (1992—...): its prehistory and development factors. Historical and sociological essay, Moscow, 1998, 200 p. — In Russ.)

Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

(Shnirelman V.A. Being Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century, Moscow, 2006, 696 p. — In Russ.)

NORTH OSSETIA IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN PRESS IN THE EARLY 1990`s

Denis V. Tumakov

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl,
Russian Federation, denistumakov@yandex.ru

Abstract. Using the example of the largest metropolitan periodicals of the early 1990s, the article analyzes the assessments that were given to North Ossetia in the Russian central press of those years. The media materials of various political views are used as a source. The following aspects became the subject of interest of the capital's journalists in those years: the political regime that existed in the republic, its complex relations with its closest neighbors and the difficult criminal situation. The participation of the Russian military in normalizing the situation in the region was also mentioned in the press. An important place among the publications of the leading federal mass media was also occupied by reports on the tragic Ossetian-Ingush conflict in the autumn of 1992. In this confrontation, the Russian press was more sympathetic to the Ossetian side as a force defending stability and law and order in the North Caucasus. Even the illegal detention of some journalists or the hostage-taking of Ingush families will have not changed this opinion. It is concluded that, compared to its alarming neighbors (Chechnya, Ingushetia) or other republics of the region, North Ossetia looked like a stable entity, and the political conservatism of its leaders was inferior to loyalty to the federal Center.

Keywords: North Ossetia, Russia, the press, law enforcement agencies, Ossetian-Ingush conflict, Prigorodny district

For citation: Tumakov D.V. North Ossetia in the assessments of the Russian press in the early 1990`s, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*. 2025, iss. 2, pp. 146—154.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Тумаков Денис Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия; доцент кафедры новейшей отечественной истории, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru, SPIN: 2145-9205

Tumakov Denis Vasylievich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation, denistumakov@yandex.ru